

УДК 322; 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Иммиграционный фактор трансформации социального пространства

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены социально-культурные аспекты и последствия международной миграции. Выделены факторы, способствующие и затрудняющие интеграцию иммигрантов в принимающее общество. Показана значимость религии в укреплении межэтнических отношений. В статье использованы результаты трех эмпирических исследований: мигрантов-мусульман и населения г. Новосибирск

Ключевые слова

иммиграция, культурно-религиозная интеграция и фрагментация, социальная включенность женщин

Для цитирования

Солодова Г. С. Иммиграционный фактор трансформации социального пространства // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 89–98. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Immigration Factor of Transformation of Social Space

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers the socio-cultural aspects and consequences of international migration. It singles out factors that facilitate and impede the integration of immigrants

© Г. С. Солодова, 2019

into the host society and shows the importance of religion in strengthening inter-ethnic relations. The article uses the results of three empirical studies: of migrant Muslims and the population of Novosibirsk.

Keywords

immigration, cultural and religious integration and fragmentation, social inclusion of women

For citation

Solodova G. S. Immigration Factor of Transformation of Social Space. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 89–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-89-98

Открытие границ, возможность оперативного обмена информацией, наконец, просто быстрого территориального перемещения создали принципиально новую ситуацию в этнокультурном пространстве многих стран. Резко возросшая мобильность людей (как результат смягчения миграционных правил, складывания мощных транснациональных экономических и культурных связей и т. д.) породила серьезные изменения в социально-политической и этнорелигиозной конфигурации мира. Произошедшие и происходящие перемены, их суть и социальные последствия нуждаются в по нимании и прогнозировании. Вместе с тем обращение к апробированным и привычным схемам объяснения происходящих изменений оказалось не совсем результативным.

Современная западноевропейская (и не только) ситуация дает основания для рассмотрения мигрантов как проблематичной категории. Постоянный, а периодически их интенсивный приток обуславливает не только абсолютный, но и относительный прирост инокультурных и инорелигиозных граждан. Кардинальные изменения социального контекста на макроуровне привели к тому, что прежние способы сохранения внутригосударственного единства остались по преимуществу в прошлом, возможности их применения оказались ограниченными и недостаточными. Государства стали нуждаться в выработке новых, дополнительных средств и механизмов поддержания социальных связей.

Европейский опыт показывает, что политика мультикультурализма, как способ консолидации общества, не может обеспечить интеграцию всех жителей страны. Формирование общегражданской идентичности оказалось не столь успешным, как предполагалось. Так, среди

выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока объединение и консолидация происходят в значительной мере на базе этнического и религиозного основания. Формируются вполне устойчивые и долговременные сообщества, диаспоры. К слову заметим, что данное явление вполне закономерно и объяснимо.

Вместе с тем доминирование этноконфессионального признака затрудняет инкорпорацию приезжих в местное сообщество. Возникают параллельные группы, клановые сообщества и системы, определяющим критерием вхождения в которые становятся этническая и конфессиональная принадлежности. В свою очередь это ведет к локальной замкнутости взаимодействий. Рост числа и доли инокультурных и инорелигиозных иммигрантов делает подобную ситуацию проблемной. Несуществующая и не обсуждаемая ранее тема стала одной из ключевых в современном социальном дискурсе. Проблемы миграции приобрели государственно-политическое звучание, признаны в качестве одного из политических приоритетов, затрагивающих государственную безопасность многих стран.

Европейский и, в частности, германский опыт активных трансграничных миграций демонстрирует ситуации как явного, так и менее очевидного административно-территориального, культурно-языкового, религиозно-этнического разделения населения страны. Наличие целых районов «новых жителей», отличающихся по своим ключевым ценностям, нормам и повседневным практикам от традиционных представлений и практик местного населения, сегодня не является чем-то феноменальным и неординарным.

Религиозная и этническая однородность подобных кварталов создает благоприятную ситуацию для сохранения и активного воспроизводства ввезенной культуры. Как следствие, хиджаб в них является скорее нормой, нежели исключением. Языком межличностного взаимодействия остается язык страны исхода. Религиозно-культурная гомогенность, обособленность и устойчивость таких поселений формирует ситуацию маркирования и разделения на очевидные «мы» и «они». Возникает взаимная закрытость и отчужденность. Вероятность, допустимость, скажем так – санкционированность и одобрение неформальных, дружеских и деловых межкультурных и, в том числе межконфессиональных, контактов и связей уменьшаются и минимизируются. И это несмотря на принадлежность к одному государству и одной нации. Понятие нации в данной статье используется как согражданство и государственно-политическое сообщество,

включающее всех граждан страны, вне зависимости от их этнических характеристик.

Вместе с тем совместное существование в едином общественном пространстве предполагает соотнесение себя и своего поведения с общественными требованиями. Подчинение и следование общественным императивам является условием для социальной бесконфликтности и сохранения социального порядка. В ситуации постоянного увеличения доли инокультурных приезжих, активного воспроизводства ими ввезенных традиций может происходить смена общественных представлений и практик. Разнородность жизненных приоритетов и повседневных практик может препятствовать общественной солидарности и единству. Более того, она может способствовать социально-коммуникативной и территориальной обособленности, создавать ощущение не просто отличия, но чуждости. В терминологии Зиммеля, человек становится не просто Другим, но Чужим [Краснопольская, Солодова, 2012; 2013]. Некогда Чужой на данной территории может стать своим, а Свой превратиться в Чужого.

Формирование общегражданской идентичности как способа интеграции представителей разных культур на базе политического и социокультурного единства, в политической терминологии – нации, предотвращает ситуацию разобщенного соседского проживания. Оно не подразумевает аннулирования или нивелирования национальных особенностей, языков и культур. Однако с необходимостью они должны дополняться сквозной, связующей общество культурой, объединяющей все национальные культуры. Логично, если в основе общеразделяемой культуры будет лежать культура принимающего общества, имеющая длительную территориальную привязку, глубокие исторические и консолидирующие корни. Этническое и религиозное сообщества – части общества. Соответственно, этническая и религиозная идентичности дополняются общегражданской идентичностью, как условия общегосударственной солидарности и поддержания согласия по базовым ценностям.

Иными словами, социальная дифференциация дополняется культурно-религиозной фрагментацией. И в данном случае речь идет не о культурном, этническом и религиозном многообразии как условии комфортного проживания представителей разных народов, а именно о процессах внутригосударственного дробления. При современных и хорошо известных западноевропейских обстоятельствах подобные процессы не являются исключительными. Более того, есть основания говорить об их развитии и закреплении.

Европейский опыт и исследования говорят о выходцах из мусульманских стран как «наименее интегрированном меньшинстве в современной Европе». С точки зрения ряда исследователей, одной из основных причин этого является высокий уровень религиозной обособленности данной группы. Основанием для подобного заявления служит наличие религиозных требований, плохо совмещающихся с традиционными среднеевропейскими нормами. В первую очередь это относится к требованиям в одежде, семейной сфере, к роли женщины в обществе в целом.

Безусловно, российская ситуация имеет другую историческую, политическую и социально-экономическую подоплеку. Характер взаимодействия приезжих и принимающего общества, условия и предпосылки для интеграции мигрантов отличаются от европейских. Для большинства мигрантов основной причиной приезда в нашу страну являются желание и необходимость работать и зарабатывать. На пособия рассчитывать не приходится. Это обуславливает другие, более продуктивные для принимающей стороны, поведенческие практики и стратегии приезжих – трудовые.

Вместе с тем сезонная и внесезонная активизация миграционных процессов, существующие способы ее регулирования и, скажем так – обустройства мигрантов, создают предпосылки для аналогичного европейскому, этнорелигиозного сегментирования городских поселений и в российских условиях. Исходя из этого, анализ европейского опыта интеграционной политики может быть полезным для построения концептуальных и административно-практических подходов к выстраиванию отношений между разными этническими и религиозными группами, приезжими и местным населением. Он позволит выделить продуктивные и солидаризирующие или, напротив, разрушительные и дезинтегрирующие, установки и практики.

В секулярных и немусульманских обществах выраженная приверженность исламу служит маркером единства иммигрантов с более широким, внесударственным международным религиозным сообществом, уммой. Визуальная актуализация религиозной идентичности снижает значимость других идентичностей, делает ее доминирующей по сравнению с общегражданской. Это некий знак и принцип для налаживания и развития или, напротив, избегания межличностной коммуникации.

Как считает ряд исследователей, выраженная религиозность мусульман продуцирует враждебность по отношению к ним среди мест-

ного европейского населения, которое не понимает или не разделяет чужие религиозные практики. Некоторые спорят, направлена ли эта враждебность к неприятию иных, особых мусульманских обычаев, или это страх неизвестного, который может утихнуть со временем. Публичные религиозные практики увеличивают вероятность стигматизации, что является дополнительным фактором отчуждения и затруднения полноценного инкорпорирования активных приверженцев ислама. Некоторые исследователи утверждают, что подобные процессы наиболее ярко выражены во Франции, где общественная приверженность секуляризму стигматизирует даже умеренные проявления религии.

Будучи не столь острой, российская иммиграционная ситуация, тем не менее, также требует внимания и анализа. Приведем некоторые эмпирические результаты проведенных нами исследований: двух опросов мигрантов-мусульман (2009 и 2013 гг.) и принимающего общества – взрослого населения Новосибирска (2014 г.).

Одним из наиболее заметных проявлений инорелигиозности являются женщины-мусульманки. Нами была сделана попытка прослеживания динамики изменения отношения самих мигрантов к тем или иным вопросам, связанным с атрибутивными особенностями женщин-мусульманок и представлениями о них. С другой стороны, необходимо было выявить точки зрения представителей принимающего общества (табл. 1). Полученные результаты выявили четкие расхождения во взглядах на диапазон социальной включенности женщин среди местного населения и приезжих, для которых значимым является не работать, а заниматься только домом, семьей и детьми, внешний имидж (носить много дорогих украшений и богато одеваться...), повседневное следование религиозным нормам, не принятым в светском обществе – вести себя, как требуют того законы шариата (носить хиджаб). Вместе с тем высокий процент новосибирцев, затруднившихся с ответом, говорит об определенной несформированности их оценки данной ситуации.

Для выявления наиболее приемлемой стратегии миграционной политики принимающего общества по отношению к мигрантам респондентам было предложено выразить свое отношение к составляющим набором из пяти наиболее распространенных мировых практик. Предпочтительным вариантом для новосибирцев оказалось принятие превентивных мер – ограничение въезда в страну 65 % (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что женщины-мусульманки здесь в России должны», %

Вариант ответа	Мигранты, 2009	Мигранты, 2013	Принимающее общество, 2014
Получать хорошее образование и иметь такие же права, как мужчины-мусульмане			
Согласен	68	68	59
Не согласен	21	14	11
Трудно сказать	12	18	30
Не работать, а заниматься только домом, семьей и детьми			
Согласен	43	41	8
Не согласен	44	42	51
Трудно сказать	13	17	42
Носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа			
Согласен	26	21	5
Не согласен	54	56	49
Трудно сказать	20	22	46
Вести себя, как требуют того законы шариата (носить хиджаб)			
Согласен	29	27	7
Не согласен	47	46	56
Трудно сказать	23	28	37

Сторонников оказания поддержки в процессе адаптации и интеграции, помощи в том, чтобы стать российскими гражданами – менее 20 %. Это больше, нежели предпочитающих депортационную стратегию – «вывозить обратно на их родину». Сегрегационную модель взаимодействия «селить в отдельные районы города» выбрало менее 10 % опрошенных.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, что по отношению к мигрантам для России лучше?», %

Вариант ответов	Принимающее общество
Помогать стать российскими гражданами	18
Селить в отдельные районы города	8
Селить во все районы города небольшими группами	17
Ограничить въезд в страну	65
Вывозить обратно на их родину	22

Как видно, реально наблюдаемая сегодня картина территориальной локализации приезжих не является предпочтительной, с точки зрения местного населения Новосибирска. Однако аппроксимация данного вывода на общероссийскую ситуацию или тем более западноевропейский контекст требует рассмотрения результатов других исследований.

Несмотря на сменяющие друг друга процессы секуляризации и религиозного ренессанса, роль религии как социального института и религии как мировоззрения как структуры, определяющей ценностную систему и повседневные практики своих последователей, никто не отменял. Можно говорить о большей или меньшей степени влияния религии, однако пренебрежение или тем более игнорирование данного фактора представляется непродуктивным и недальновидным. Исходя из этого, представителям принимающего общества нами был предложен вопрос о последствиях укрепления роли мировых религий на межнациональные отношения. Полученные результаты показали – наиболее позитивно было оценено влияние православия (табл. 3). Полагаем, что в данном случае это определяется не только исходными

базовыми принципами, заложенными в вероучении, но и большей информированностью респондентов об этой ветви христианства, в конце концов, просто своей принадлежностью к православию.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«На Ваш взгляд, как повлияет укрепление разных религий
на межнациональные отношения?», %

Вариант ответов	Улучшит	Обострит	Не повлияет
Укрепление православия	48	11	35
Укрепление ислама	11	51	30
Укрепление буддизма	21	16	56

В итоге отметим, что этнические и религиозные идентификации являются весьма важными как с социальной, так и с индивидуальной точек зрения. Они могут быть чрезвычайно чувствительными и болезненными, как следствие, обладать большим интеграционным потенциалом. Актуализация и акцентирование значимости этнической и религиозной идентификаций, при одновременной невыраженности общероссийского самосознания, общегражданской идентичности представляются контрпродуктивными, затрудняющими формирование социального и духовного единства общества.

Список литературы / References

- Краснопольская И. И., Солодова Г. С.** Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социол. журн. 2012. № 4. С. 24–35.
- Krasnopol'skaya I. I., Solodova G. S.** *Vospriyatie chuzhaka gruppoi v sotsiologii G. Zimmelya* [Perception of a stranger by a group in the sociology of G. Simmel]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 4, p. 24–35. (In Russ.)
- Краснопольская И. И., Солодова Г. С.** Социальное конструирование этничности // Социол. исследования. 2013. № 12. С. 26–34.

Krasnopol'skaya I. I., Solodova G. S. Sotsialnoe konstruirovaniye etnichnosti [Social construction of ethnicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Research*], 2013, no. 12, p. 26–34. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
05.12.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Солодова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия)

Galina S. Solodova, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor, Siberian State University of Telecommunications and Informatics (86 Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

gsolodova@gmail.com